

— Если так, дай мне шанс, хотя бы не отказывай так прямо, — сказал Цзи Уя, слегка наклонив голову. — Дай мне возможность доказать, что за это время ты полюбишь меня.

— Я не заключаю пари.

Уголок рта Цзи Уя непроизвольно дёрнулся. Это было не то, чего он ожидал. Даже если это не согласие, то хотя бы отказ. Но «я не заключаю пари»? Что это вообще за ответ? Он сразу же мысленно переложил вину на старейшин Секты Меча Небесного Дао. Только они могли воспитать такого скучного ученика.

И всё же... он был очарован.

— Хочешь попробовать? Прежде чем расторгнуть Договор спутников Дао, ты не сможешь меня отпустить, — Цзи Уя сделал вид, что не услышал холодных слов Яогуан.

— К тому же, в ближайшее время ты всё равно не сможешь расторгнуть договор, — с лёгкой усмешкой он протянул руку и взял Яогуан за ладонь.

Чу Тянью не стал сопротивляться, когда его руку взяли. Ведь это был Мо Чанфэн, его «супруг», с которым он делил ложе в последнее время. Высвободив руку, внешне он сохранял спокойствие, хотя внутри его терзали противоречия.

— Ты пожалеешь об этом.

Почему бы не позволить Мо Чанфэну попробовать? Разве он не сможет устоять перед ним? Разве его чувства могут быть подчинены чужой воле?

— Нет, — твёрдо ответил Цзи Уя. В его мире не существовало слова «сожаление». Он не жалел о том, что предал свою секту, не жалел о том, что пал в демонический путь, не жалел о том, что был предан Хэлянь Цзином, которого сам же возвысил. И уж тем более он не жалел о том, что решил добиться своего спутника Дао. Тот, кого он выбрал, не сможет убежать.

— Как хочешь, только помни свои слова сегодня, — Чу Тянью, столкнувшись с такой упрямостью Мо Чанфэна, в конце концов сдался.

Он старался предотвратить это, сказал всё, что мог, кроме правды, но так и не смог изменить упрямую решимость Мо Чанфэна. Оставалось лишь позволить ему идти своим путём.

— Тогда спасибо, Яогуан.

— Я знаю, тебе было нелегко согласиться, хотя я не понимаю, почему ты всё время отказываешь мне, — с лёгкой улыбкой произнёс Цзи Уя.

Цзи Уя, раскрывший свою истинную натуру, был куда более свободным и раскованным, чем сдержанный и степенный «Мо Чанфэн».

Просто ты слишком навязчивый, — мысленно пробормотал Чу Тянью, поворачиваясь, чтобы уйти. — Уже поздно, завтра рано вставать.

В доме Мо они, чтобы не вызывать подозрений, всё это время спали вместе. Конечно, ночи проходили совершенно целомудренно, за исключением утренних объятий. Они не переступали границ, оставаясь в рамках приличий.

Большую часть ночи они проводили в медитации и практике. Теперь, остановившись в гостинице, они решили поспать. Для безопасности они арендовали целый двор, и, хотя в нём было несколько комнат, ни один из них не предложил спать отдельно.

Цзи Уя, конечно, имел свои причины, но, видя, что Яогуан ничего не сказала, он подумал, что его медленное завоевание дало плоды, и настроение его улучшилось.

Чу Тянью лежал на внутренней стороне кровати, закрыв глаза, будто спал. Он не предложил сменить комнату просто потому, что не подумал об этом. Неловкость и дискомфорт возникали из-за непривычки к близости с другим человеком, а не из-за того, что он считал себя женщиной.

Он никогда не воспринимал себя как женщину, и все предыдущие неудобства были лишь следствием непривычки к такой близости.

Чу Тянью, который на самом деле не мог уснуть, думал о Мо Чанфэне. Сравнивая его до и после того разговора, он не заметил значительных изменений. Просто теперь, без той завесы тайны, Мо Чанфэн казался ему более приятным.

Чу Тянью мало знал о Мо Чанфэне, полагая, что тот просто скрывал свою истинную натуру в доме Мо, а теперь раскрылся. Ведь он не был настоящим Чу Тянью и не мог заметить, что с Мо Чанфэном что-то не так.

Чу Тянью не осознавал, что в чём-то он был прав.

Цзи Уя был уверен в себе, потому что знал, что Яогуан не был настоящим Чу Тянью и не мог понять, чем он отличался от прежнего «Мо Чанфэна». К тому же, зная Яогуан, он был уверен, что она не придаст особого значения этим изменениям. В её сердце и глазах было мало места для чего-то, кроме практики. Возможно, в её глазах он был даже менее важен, чем совершенствование.

На следующий день.

— Готово, — Цзи Уя вставил нефритовую шпильку в волосы Яогуан и выпрямил её чёрные пряди, спадающие на спину.

Чу Тянью, не умеющий укладывать волосы, смотрел, как тот с лёгкостью справляется с этим, словно делал это много раз.

— Сначала завтрак в главном зале, затем отправимся в путь.

В последние дни он помогал Яогуан укладывать волосы, и только после того, как они покинули дом Мо, он понял, что она совершенно не умеет этого делать. Как женщина, она даже не могла причесаться перед зеркалом, что заставило его задуматься, как же она жила раньше. Даже если она была поглощена практикой, это не могло быть оправданием.

Должно быть, Секта Меча Небесного Дао за последние тысячи лет стала ещё более суровой.

Если бы это была другая секта, Цзи Уя бы задумался, но Секта Меча Небесного Дао... Бывшая его секта, она действительно практиковала равенство между мужчинами и женщинами в практике. Независимо от пола, все ученики были просто «последователями Секты Меча Небесного Дао», рубившими деревья, сражавшимися с демонами и совершенствовавшимися наравне.

В мире совершенствования мужчин было гораздо больше, чем женщин, а среди высших практикующих женщин и вовсе единицы. Это было не только из-за того, что женщины на пути Дао часто получали поблажки, но и из-за того, что многие бросали практику ради замужества и детей.

Но женщины из Секты Меча Небесного Дао были исключением. Когда жители Низшего Бессмертного Мира встречали женщин из этой секты, первое, что они делали, — это отбрасывали все мысли о рыцарстве. Ведь все знали, что в следующий момент женщина могла выхватить меч и атаковать, и, если не быть осторожным, можно было погибнуть.

Мечники были непонятными существами, и женщины — не исключение.

Когда он ещё был в Секте Меча Небесного Дао, как выглядели его сёстры по практике? Цзи Уя на мгновение задумался, и в памяти промелькнули неясные образы.

Белые одежды, длинные мечи, высоко собранные чёрные волосы.

Оборачиваясь, они слегка улыбались, ветер развеивал их одежды, и несколько прядей волос падали на грудь.

Он не мог вспомнить. Даже пол их он не помнил. Цзи Уя с усмешкой подумал, что его память тоже не ахти.

Ладно, всё это было в прошлой жизни, и вспоминать об этом теперь бесполезно. Те, кто был с ним в Секте Меча Небесного Дао и не достиг Высшего Сокровенного Мира, наверное, уже умерли.

Вещи, которые они взяли с собой, были убраны в хранилище, а то, что было в повозке, Цзи Уя тоже убрал. К сожалению, он так и не нашёл ту книгу, которую Яогуан отказалась ему показывать.

Чу Тянью сидел в главном зале, пробуя завтрак, совершенно не подозревая, что человек напротив утром в комнате придумывал множество объяснений тому, почему он не умеет укладывать женские волосы.

И в конце концов действительно нашёл оправдание.

— Молодой господин, госпожа, время почти подошло, — доложил последователь семьи Мо.

— Госпожа? — Цзи Уя отхлебнул чай, глядя на неё.

— Пойдём, — кивнул Чу Тянью.

Они сели в повозку у гостиницы и направились к телепортационному массиву в центре провинции. Через полчаса повозка остановилась.

— Молодой господин, этот старший отвечает за активацию массива, — последователь семьи Мо представил седовласого старика с младежским лицом.

— Приветствую, старший. Благодарю за помощь, — Цзи Уя вышел вперёд и поклонился.

В Низшем Бессмертном Мире только практикующий на этапе золотого ядра мог активировать телепортационный массив, и, судя по возрасту этого старика, он, вероятно, был на грани завершения своего жизненного пути.

— Не стоит церемоний, я лишь выполняю приказ.

В городе Хуайянь, столице провинции Фэнлин, практикующие на этапе изначального младенца были редки, но не так редки, как в городе Юньцзян.

— Молодой господин, я могу проводить вас только до здесь.

— Вернись и доложи отцу, чтобы он не беспокоился, — Цзи Уя посмотрел на телепортационный массив, который начал мерцать. Он подсчитал время: до активации оставалось полчаса.

Этот массив находился на западе Хуайяня, и для его активации требовалась тысяча верхних духовных камней. Даже для Мо Сяюня это было нелегко.

Семья Мо была семьёй Мо, а Мо Сяюнь был Мо Сяюнем. Этот массив был подготовлен Мо Сяюнем для его безопасности.

Тысяча верхних духовных камней, в пересчёте на нижние, составляла десятки тысяч.

<http://bllate.org/book/15414/1363187>